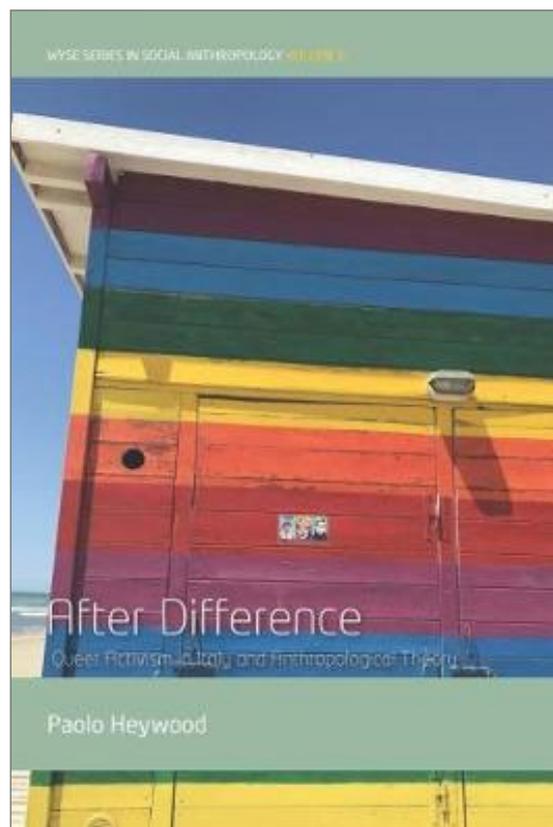

Головина А.В. Рец. на: Heywood, P. *After difference. Queer Activism in Italy and Anthropological Theory*. Berghahn Books, 2018.

Антропология как дисциплина традиционно уделяла большое внимание различию¹: между культурами и обществами, традициями и обычаями. Различия пытались описывать, типологизировать и объяснять, но они всегда оказывались в фокусе анализа. Однако природа различий и их эпистемологическая значимость, а также положение данного термина в понятийном аппарате антропологии как дисциплины, некоторое время не подвергались анализу. Работа британского антрополога Паоло Хейвуда, занимающегося исследованиями этики и морали, под названием «*After difference. Queer Activism in Italy and Anthropological Theory*» («После различия: квир-активизм в Италии и антропологическая теория») призвана заполнить данный пробел, а также заставить читателя задуматься над взаимоотношениями антропологии и ЛГБТ-активизма.

В своем исследовании Паоло Хейвуд обобщил результаты многолетних размышлений и разностороннего полевого опыта, полученного в Италии около десяти лет назад. Антрополог проводил этнографическое исследование в Болонье в 2012 г. среди местных ЛГБТ-активистов и активисток во время подготовки и проведения ежегодного прайда – демонстрации, устраиваемой обычно в июне представителями ЛГБТ-сообщества (Gay Pride Britannica). Обращение внимания на Болонью было вызвано несколькими фактами. В первую очередь, город был известен как мекка для левых политических организаций и был домом для старейшей ЛГБТ-организации Италии – «Arcigay» (Heywood 2018: 8–9). Во время подготовки к прайду, различные

Головина А.В. | heurodis@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0002-0310-1128> | студентка 1 курса магистратуры, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Для цитирования: Головина А.В., Рец. на: Heywood, P. *After difference. Queer Activism in Italy and Anthropological Theory*. // Антропологии/Anthropologies. 2022. No 1. С. 155-160. <https://doi.org/10.33876/2782-3423/2022-1/155-160>

сообщества объединили свои усилия и сформировали единую сеть, получившую название PutaLesboTransFeministaQueerNetwork, члены которой и стали информантами П. Хейвуда. Болонья представляла интерес не только из-за большого числа возможных респондентов, но и из-за противоречивости, присущей этому месту. В самом начале Паоло Хейвуд отмечает, что здесь «доминиканский монах может описать гея как обладающего особой связью с богом, в то время как он же будет представлять католическую церковь, которая громко и яростно выступает против продвижения прав ЛГБТ-персон» (Heywood 2018: 4). Поэтому проведение полевого исследования в таком месте позволило антропологу не только выделить и описать то, как осуществляется ЛГБТ-активизм, но и задуматься о природе различий и проанализировать их функциональность и многообразие.

В книге, разделенной на три смысловые части, автор последовательно анализирует, как устроена политическая жизнь Болоньи, какие моральные категории нормируют поведение людей, как выстраивается взаимоотношение между ЛГБТ-сообществом и церковью. Это становится основой для размышлений об эпистемологических принципах антропологии. Теоретическая значимость и, несомненно, актуальность работы состоит в обращении к вопросу о взаимоотношениях между правами человека и антропологическим знанием, а также в размышлениях о возможности дисциплины выступать источником голоса представителей уязвимых социальных групп.

Свое размышление П. Хейвуд начинает с описания Болоньи как «противоречивого пространства» (equivocal location) – места, где политические различия выражаются в контрастных интерпретациях гомогенного, с первого взгляда, идеологического пространства. Исследователь обращает внимание на то, что слава Болоньи как своеобразного центра левой мысли оказалась обманчивой, ведь «быть левым» здесь значит часто кардинально противоположное. Респонденты, описывающие свои воззрения, рассматривали даже очевидно консервативные или клерикальные воззрения как проявления левой позиции, и это не вызывало у них сомнения. Так термин «левый», обладающий, казалось бы, вполне конкретным значением, стал своего рода омонимом, который не подразумевает под собой присваивание гомогенной идентичности. Однако такое выделенное различие не нарушает гомогенности политического пространства, так как равное использование термина «левый» так или иначе создает ощущение общности.

Отличия начинают проявлять себя в Болонье не только в гетерогенности политических воззрений, но и в том, как каждый человек может отличаться не только от другого, но и от самого себя. В ходе полевой работы П. Хейвуд встретился с термином *doppia morale*, который может быть переведен напрямую как «двойная мораль», однако имеет иное значение. Этот термин используется в Италии для описания различий между декларируемым поведением и реальностью, между “what you practice and what you preach” (Heywood 2018: 48). Так, *doppia morale* описывает способы отношения к моральным кодексам, где субъект самостоятельно выбирает свой, как выражался М. Фуко, модус, в отдельные моменты желая вести себя отлично от того, что до этого он считал или заявлял правильным.

Таким образом, различие как таковое оказывается естественно вписано в повседневную жизнь Болоньи и в этической, и в идеологической сферах. Однако различие имеет и другое значение, в особенности для ЛГБТ-активистов. Сущность самого движения базируется на демонстрации и создании различия, которое существует или должно существовать. Свое «исключенное» положение, основанное на стигматизации представителей ЛГБТ-сообщества, ЛГБТ-активисты используют как оружие для борьбы за права. В таком случае создание различия становится насущной необходимостью, поддерживающей возможность политического

противостояния. Так, в третьей главе книги Хейвуд рассказывает историю взаимоотношений между ЛГБТ-сообществом и движением «We are Church», стремящемся добиться союза с ЛГБТ-активистами. Исследователь обращает внимание на то, что для выстраивания конструктивного диалога необходимо не только наличие общих тезисов и мнений, к примеру – апелляции к универсальным ценностям гуманизма, но и наличие различий, создающих пространство для дискуссии. В следующей главе Хейвуд обращает пристальное внимание на большую важность различия как категории для ЛГБТ-движения и задается вопросом: возможно ли построение сообщества из людей, для которых непохожесть друг на друга является первой ценностью (Heuwood 2018: 90). Как выясняет исследователь, построение сообщества оказывается возможным благодаря единому пониманию различия как вездесущего, а также производимого в каждый момент времени, перформативного по своей природе (Heuwood 2018: 91).

Описав значимость отличия и его проявления, Хейвуд завершает размышление аналитическими главами, призванными критически переосмыслить некоторые эпистемологические основания антропологии. Исследователь ставит вопрос о том, как могут соотноситься анализ и этнографический полевой материал. Антрополог последовательно анализирует традицию осмысления возможности переноса культурных категорий из «поля» в антропологический анализ. Еще с времен Э. Дюркгейма очевидно, что культурные категории сами по себе вариативны, однако за время развития дисциплины наметились две традиции отношения к возможности переноса категорий при проведении исследования. Первая настаивает на том, что перенести корректным образом заимствованное понятие возможно при подробном его описании и достаточной деконструкции альтернативных категорий в родном для исследователя языке. Другая позиция исходит из предпосылки, что категории иных культур непереводимы и нуждаются в полном переносе в том виде, в котором были встречены антропологом (Heuwood 2018: 105–106). Очевидно, что последняя позиция позволяет сохранить культурную уникальность понятий и предоставить возможность прямой речи исследуемой группе, однако снижает аналитический потенциал используемого термина. Но то, что оказывается сложно разрешимым противоречием в рамках антропологии, оказывается для Хейвуда меньшей проблемой. Автор вспоминает статью М. Стратерн «Неловкие отношения: феминизм и антропология» (Stratarn 1987: 276–292) и дополняет ее рассуждением о том, как ЛГБТ-активизм может способствовать успешному развитию антропологического знания. Если феминизм настаивает на выделении единства через признание угнетающего воздействия патриархата на все женское население планеты, то квир-активисты, нацеленные на установление различий, напротив оказываются гораздо ближе к позициям этнографов, интересующихся культурным многообразием. И антропология как дисциплина, и ЛГБТ-активизм нацелены на производство различия и его поддержание, конструирование идентичностей, однако активизм позволяет проявлять голоса представителей сообщества четче и ярче, в то время как антропология оказывается ограничена собственными аналитическими категориями. Признание этого факта близости и взаимовыгодное использование преимуществ обоих направлений мыслится Хейвудом залогом для успешного развития антропологии.

Таким образом, в своей работе П. Хейвуд подробно анализирует сущность «различия» как категории, а также старается найти точки соприкосновения дескриптивной и аналитической антропологии с политически ангажированным ЛГБТ-активизмом.

Большой интерес представляют как размышления автора о развитии ЛГБТ-сообщества в Болоньи, так и рассуждения об эпистемологических вопросах дисциплины. Поднятый автором вопрос о возможности антропологии выступать источником голоса угнетенного сообщества не теряет своей актуальности. Сегодня многие исследователи выступают в поддержку

этого тезиса. Так, стоит обратиться к работам американского антрополога Н. Шепер-Хьюгс, которая в статье «Неизвестные органы: тайная этнография преступного мира торговли органами» размышляет над тем, насколько антрополог может выступать активистом в своем поле и защищать интересы своих респондентов (*Scheper-Hughes* 2004: 29–73). С точки зрения исследователя, такая позиция возможна, а в некоторых случаях необходима, так как антрополог во время полевого наблюдения может встречаться с противоправной и криминальной деятельностью. Сама Шепер-Хьюгс известна и как активистка движения за борьбу с незаконным траффингом человеческих органов, выступающая на многочисленных международных форумах и конференциях (*Scheper-Hughes* 2004: 43–44). В случае положения ЛГБТ-сообщества также можно утверждать, что антропология способна сама по себе стать активистским инструментом, который описывает и анализирует различия, производимые в рамках ЛГБТ-сообщества. Часто объективный контроль над публичным дискурсом для квир-персон как маргинальной социальной группы оказывается недоступен, поэтому сбор и презентация подробных свидетельств о жизни представителей комьюнити становится ценной работой по сохранению многообразия опытов. Так, еще в 1979 г. члены *Gay History Project* выступили с заявлением, что «устная история особенно важна для реконструкции гей-истории, так как письменные записи о нашем прошлом практически не существуют, оказались запрещены цензурой или уничтожены» (*Murphy et al.* 2016: 4). Таким образом, можно дополнить позицию Паоло Хейвуда и уточнить, что антропология и ЛГБТ-активизм могут не только сотрудничать друг с другом, но антропология как дисциплина может, при желании исследователя, брать на себя ответственность за сохранение и распространение голосов представителей и представительниц сообщества, что может способствовать более продуктивному конструированию альтернативного дискурса. Очевидно, что такая позиция антропологии создает угрозу для объективности получаемого знания, однако полное устранение субъективизма исследователя является не только невозможным, но и менее желательным, чем подробная рефлексия собственных взглядов со стороны исследователя.

Стоит отметить, что книга Паоло Хейвуда также затрагивает многочисленные темы, связанные с ЛГБТ-активизмом, его сложностями и формами. Для российского контекста большой интерес представляют рассуждения исследователя о возможности диалога между активистами и активистками и церковью, которая в Италии имеет осязаемое влияние на ценности населения, что наблюдается и в Российской Федерации (*Великий пост* 2020). Если в Болонье существует отдельная организация, стремящаяся сгладить противоречия между католицизмом и квир-персонами, то в отечественном пространстве взаимоотношение между ЛГБТ-сообществом и Русской православной церковью выстраивается иначе. В России институт церкви все чаще выступает властным субъектом, поддерживающим и производящим социальное исключение для представителей квир-сообщества. Так, Алексей Зыгмонт в статье «Проблематика насилия в Русской православной церкви в постсоветский период» неоднократно показывает, что Русская православная церковь выступает одним из ключевых политических институтов, поддерживающих и воспроизводящих гомофобию (*Зыгмонт* 2014: 117–145). Обращаясь к концепции насилия Й. Галтунга (*Galtung* 1969: 167–191), основоположника *peace and conflict studies*, автор указывает на то, что действия православных активистов и самой церкви как институции можно рассматривать в качестве структурного насилия против ЛГБТ-сообщества, так как негетеросексуальные и/или нецисгендерные персоны абстрагируются до образа «врага», лишённого индивидуальных черт. С ним согласен и М. Карпа, показывающий схожую позицию церкви через анализ ее нормативных документов официальных заявлений (*Karpa* 2020). Следовательно, возможность

диалога, существующая в Италии, является пока недостижимым будущим в российском обществе, где количество различий между позициями православной церкви и ЛГБТ-активистов затрудняет выстраивание дискуссии.

Важная составляющая книги состоит и в обращении к опыту прайда как форме проявления и производства различий со стороны ЛГБТ-сообщества. Американская исследовательница Ф. Стелла называет прайды, наряду с созданием комьюнити-центров, одной из двух форм присвоения и создания социального пространства, характеризующиеся короткой протяженностью во времени, но кардинально высокой видимостью (*Stella 2015: 461*). Однако эта традиционная и привычная для некоторых стран Европы форма выражения позиции сообщества оказалась недоступным способом производства различий в Российской Федерации. И это демонстрирует один из недостатков проведенного Хейвудом исследования, которое игнорирует иные формы ЛГБТ-активизма и не анализирует их как инструмент для поддержки и создания столь необходимого разнообразия. Так, в рамках советской действительности присвоение социального пространства происходило с помощью организации мест встреч для гомосексуальных мужчин – «плешек» (*Лангебург 2020: 25*). Большая часть этих мест носила публичный характер: площади, парки, скверы оставались доступны для обывателей и посещались ими также, как и квир-персонами, что позволяло считать эти пространства местами с «двойным дном». Локальность меняла свой тип видимости и получала иное культурное осмысление. Так, по Лефевру, создавалось противоречие между репрезентацией пространства и пространством репрезентаций (*Lefebvre 1991*), а идеологически заряженное городское пространство становилось территорией формирования скрытого сопротивления. Однако важно отметить, что здесь производство различий, в силу невозможности открытого ЛГБТ-активизма в рамках советской реальности, имело совершенно иной смысл. Для сохранения возможности функционирования сообщества используемое им пространство должно было не обладать видимыми отличиями от иных общественных локаций, а возникновение различий становилось угрозой для безопасности. Очевидно, что производство отличий для саморепрезентации как стратегия поведения ЛГБТ-сообщества оказывается возможным только в рамках такой социальной ситуации, где степень социальной исключенности негетеросексуальных и/или нецисгендерных персон оказывается меньшей, чем внутри тоталитарных и посттоталитарных государств, практикующих фактическую криминализацию гомосексуальности. В такой ситуации производство различий повышает уязвимость представителей сообщества, в то время как реализация диалога через нахождение сходств или сглаживание отличности способствует сохранению безопасности.

Таким образом, можно резюмировать, что книга британского антрополога П. Хейвуда поднимает значимые для антропологии вопросы соотношения этнографического поля и теоретического анализа, подробно характеризует и описывает значимость различия и перспективы использования этой категории для сближения антропологии и ЛГБТ-активизма. Однако стоит отметить, что приведенные автором тезисы о значимости различия для ЛГБТ-сообщества оказываются применимы лишь в узком социокультурном контексте, а предлагаемое решение вопроса о соотношении антропологии и ЛГБТ-активизма является не единственным возможным и компромиссным.

Примечания

¹ В тексте слова «различие» и «отличие» употребляются в качестве синонимичных переводов термина “difference”

Научная литература

Galtung J. Violence, peace, and peace research // *Journal of peace research*. 1969. No. 6 (3). P. 167-191.

Gay Pride // *Britannica*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/Gay-Pride>.

Heywood P. After difference: queer activism in Italy and anthropological theory. Berghahn Books, 2018.

Karpa M. The Russian Orthodox Church and Legitimacy of Political Homophobia in Russia [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://libjournals.unca.edu/ncur/wp-content/uploads/2020/12/3105-Karpa-Macy-FINAL.pdf>.

Murphy K. P., Pierce J. L., Ruiz J. What makes queer oral history different // *The Oral History Review*. 2016. No 43 (1). P. 1-24.

Scheper-Hughes N. Parts unknown: Undercover ethnography of the organs-trafficking underworld // *Ethnography*. 2004. Т. 5. №. 1. С. 29-73.

Stella F. Queer space, pride, and shame in Moscow // *Slavic Review*. 2013. No 72 (3). P. 458-480.

Strathern M. An awkward relationship: The case of feminism and anthropology // *Signs: Journal of Women in Culture and Society*. 1987. No 12 (2). P. 276-292.

Великий пост и религиозность // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/03/03/velikij-post-i-religioznost>.

Зыгмонт А. Проблематика насилия в Русской православной церкви в постсоветский период // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2014. №. 3 (32). С. 117-145.

Лангенбург А. Плешка: пространство советских геев // *Квир-пространства в России: прошлое, настоящее и будущее*. Сборник статей. СПб.: Международный кинофестиваль «Бок о бок», 2020. С. 22-35.

Book Review

Golovina A.V. Review of: Heywood, P. After difference. Queer Activism in Italy and Anthropological Theory. Berghahn Books, 2018. Anthropologies, 2022, no 1, pp. 155-160, doi 10.33876/2782-3423/2022-1/155-160

© Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Anna Golovina | heurodis@yandex.ru | <https://orcid.org/0000-0002-0310-1128> | Lomonosov Moscow State University